

Дикая оргия прекратилась. Питцины, почуяв запах крови, отхлынули к стенам подземного зала, освобождая центр для поединка. Шарканье сотен ног, стук летевшей на пол посуды, грохот отодвигаемых скамей и столов слились с долгим торжествующим воплем:

– Гутар! Гутар! Гутар!

Тота выскользнула из объятий Романа. Слабый румянец окрасил щеки девушки, ноздри трепетали от возбуждения. Последний раз, коснувшись его губ жалящим поцелуем, она вернулась к трону и села, улыбаясь своему избраннику.

С высоты лестницы Роман осмотрел зал. Шакалы! Оскаленные клыки окружали его, звериный вой давил в уши. Он перевел взгляд на Гутара. Шакалы, среди которых завелся волк! Сильный, свирепый, почуявший соперника-самца, готовый вцепиться ему в глотку... Они ошибаются, вся эта мерзкая кровожадная стая. Не волк пришел к ним – тигр! Тигр, который будет властвовать над ними!

Орг сделал Роману знак приблизиться. Гутар уже стоял по левую руку короля, опираясь локтем о каменную спинку трона. Он плюнул под ноги Роману и прошипел ругательство.

Вероятно, предстоящая схватка, привела Орга в отличное настроение. Заплывшее салом лицо с вислыми щеками растянулось в улыбке. Король запустил пальцы в жидкую поросль на подбородке и хитро уставился на Романа.

– Тота решила правильно. О, моя дочь мудра и видит в сердцах людей и богов! Бой покажет! Если ты, в самом деле, Мазда, то возьмешь голову Гутара. А нет – он получит твою! – Орг ткнул толстым пальцем в сторону песчаного полукруга у валуна. – Погляди, сегодня он уже прикончил троих. Они жаждали ласк Тоты и, по обычаю, в день сакра попытались сделать Гутара короче на голову, хо-хо-хо! – Король гулко захохотал, потом внезапно наклонился вперед, узкие щелочки глаз впились в непроницаемые зрачки Романа. – Ты взял Тоту без боя, по ее желанию – но оставить себе можешь только ценой крови! – Он поднял голову и рывкнул: – Я, Орг, владыка питцинов, сказал! Выбери оружие, Мазда!

Спустившись по лестнице, Роман осмотрел груды коротких мечей, топоров, копий и шипастых булав, затем отрицательно покачал головой. Он выхватил из ножен свой гибкий тексиновый клинок, крест-накрест располосовал воздух и впервые нарушил молчание:

– Мне нужен щит, – резко произнес разведчик. – Больше ничего.

Он бросил взгляд на Хончо. События разворачивались непредвиденно, и ньютер выглядел не лучшим образом. Сейчас его хитроумные планы повисли на кончике меча Романа. Разведчик насмешливо усмехнулся. Даже существо с четырнадцатым уровнем разума не может предусмотреть абсолютно все!

Вдруг на королевском возвышении раздался яростный вопль, и Гутар, безоружный, бросился на Романа, в три прыжка преодолев лестницу. Очевидно, он счел его улыбку презрительным намеком в свой адрес и решил без церемоний разделаться с чужаком. Роман скользнул в бок и, когда здоровенный питцин пронесся мимо, подсек его ногу. Гутар, споткнувшись, врезался головой в песок.

Глаза Романа метнулись налево, потом направо. Кажется, он добился, впечатляющего эффекта. Толпа притихла, как стая шакалов, уstraшенных оскалом тигриной пасти. Король Орг

задумчиво почесал чудовищный живот. Тота заливалась смехом, хлопая в ладоши. На бледном лице Хончо можно было прочесть явное облегчение.

Мясистая рука Орга протянулась в сторону Гутара, тот привстал на колени, отряхивая песок с груди и плеч.

– Ты! Не советую торопиться! Иначе я сам возьму твою голову!

Поднявшись и что-то злобно ворча, Гутар отошел в сторону. Его бровь – там, куда попал кулачок Тоты – вспухла. Крохотные глазки короля уставились на Романа, и он милостиво пояснил:

– В таких схватках питцины не пользуются щитами. Вы будете драться обнаженными, и каждый должен выбрать что-нибудь одно. Таков обычай. – Он снова в задумчивости поскреб живот и добавил: – Можно взять еще сеть... или веревку... – теперь глаза Орга с сомнением изучали узкий клинок Романа. – Конечно, ты – бог.... Но неужели ты надеешься заколоть Гутара этим вертелом?

Роман не успел отметить, как его противник взревел:

– Пусть он берет щит! Пусть! Но тогда по закону и я выберу что хочу!

Разведчик повернул голову. Питцин потрясал луком, из колчана, висевшего на плече, торчали три стрелы. Тяжелый короткий меч и сеть довершали его снаряжение.

Орг вопросительно посмотрел на Романа.

– Ты согласен?

У питцина будет три попытки. Тут все решит быстрота реакции. Затем... затем щит окажется немалым преимуществом. Роман решительно кивнул.

– Да. И пора начинать. У Гутара уже чешется шея.

Огромный питцин взревел и в ярости замотал головой. Роман мог считать, что достиг своей цели. Он верил в свои силы, но психологическое давление на противника никогда не было лишним. Окинув Гутара презрительным взглядом, разведчик пустил последнюю стрелу.

– Мазда разрешает тебе помолиться – прежде, чем примет твою душу. Вместе с головой, разумеется.

На этот раз питцин не ответил. С кошачьей ловкостью он прыгнул в центр арены и застыл у священного камня, слегка раскачивая левой рукой свисавшую до самого песка сеть. Лук с колчаном были перекинuty за спину: в правой руке Гутар держал меч – короткий, тяжелый с широким обоюдоострым лезвием.

Из толпы Роману бросили щит – круглый деревянный диск, обтянутый толстой кожей, с металлической шишкой посередине. Дурные предчувствия овладели им. Щит оказался не больше блюда для салата и, мягко говоря, не соответствовал ожиданиям Романа. Ему придется двигаться чертовски быстро, чтобы защитить этой суповой крышкой свои ноги и огромный торс. Теперь три стрелы Гутара представляли серьезную опасность.

Роман покрепче перехватил щит и взглянул на Тоту. Девушка наклонилась вперед в своем

каменном кресле, ее глаза были прикованы к обнаженному телу разведчика. Она не смотрела ему в лицо. Роман увидел, как розовый язычок скользнул по алым губам. Змея! Змея с ядовитым жалом! Но придет время, и он...

Время еще не пришло – перед ним был Гутар. Длинные руки давали Роману преимущество; он мог попытаться достать врага клинком. Но удачный бросок сети сковал бы меч или даже оставил его безоружным. Рисковать не стоило. Роман начал кружить около Гутара, в надежде спровоцировать противника на поспешную атаку.

Однако питцин был опытным бойцом. С началом схватки его гнев словно испарился; он пристально следил за Романом, поворачиваясь лицом к нему, но явно не хотел атаковать первым. Его клинок описывал короткие сверкающие дуги, готовый парировать удар.

У стен пещеры бушевал прибой. Сквозь грохот барабанов Роман различил лишь два слова:

– Гутар, Гутар! Гутар! Гутар убей! Убей – убей – убей – убей – убей!

Словно болельщики на стадионе, жаждущие гола, мелькнуло у Романа в голове. Болельщики? Стадион? Где это было? Когда?

Гутар метнул сеть. Роман предвидел бросок, но не сумел быстро увернуться – его противник прекрасно владел ремеслом ретиария. Сеть накрыла голову и плечо разведчика, сковав движения правой руки. Питцин ринулся на него; широкое плоское лицо перекосила злобная ухмылка. Гутар не собирался рубить сплеча, как ожидал Роман. Используя меч подобно кинжалу, он нанес колющий удар, направленный снизу вверх, прямо в живот.

Роман действовал почти инстинктивно, без размышлений. Отшвырнув щит, он перебросил меч в левую руку. Рискованный маневр, особенно когда враг поймал тебя в сеть. Стоило Роману выронить оружие, и его песенка была бы спета.

Но он не промахнулся. Он вовремя поймал рифленую рукоять и резким выпадом вниз отбил клинок. Гутара. Острие короткого меча царапнуло его бедро, питцин стремительно выпрямился, и в этот момент Роман нанес ему сокрушительный удар головой в лицо. Гутар покачнулся и получил второй удар – ребром ладони по виску. Сеть мешала Роману, однако удар был очень силен. Его противник упал на четвереньки, изрыгая проклятия.

На миг его спина оставалась незащищенной, однако позиция, в которой находился Роман, не позволяла нанести смертельный укол. Он пнул питцина в ягодицы, сорвал с головы сеть и, перебросив клинок обратно в правую руку, поднял свой щит. Потом быстрым круговым движением попытался набросить сеть на Гутара.

Питцин перекатился по песку, не выпуская меча, и вскочил на ноги. Он медленно пятился назад, настороженно глядя на Романа. Сеть лежала между ними

– серая веревочная паутина, бесполезная и пустая. Гутар поднял левую руку к плечу – потянулся за колчаном.

Разведчик стремительно атаковал. Обманный финт заставил Гутара высоко поднять меч, чтобы защитить глаза. Враг открылся – и теперь, по всем правилам фехтовального искусства, Роман шагнул вперед, наметил точку между ребер и сделал резкий выпад. Тексиновый клинок должен был пронзить сердце противника и на ладонь выйти из спины. Но случилось чудо – широкий меч Гутара с невероятной скоростью пошел вниз, парируя удар.

Чудо? Роман нахмурился. Нет. Этот варвар, этот дикарь владел своим примитивным оружием так же искусно, как он сам – шпагой. И в этот момент он понял, что его ждет настоящий бой. Пальцы босой ноги коснулись чего-то влажного, холодного... Мертвая голова! Он раздраженно отшвырнул ее. Еще одна ошибка – и его голова будет стыть на песке... Он не испытывал страха, но быстрое движение клинка Гутара было росчерком мастера и, следовательно, призывом к осторожности. Ему придется разработать правильную стратегию схватки, что потребует времени и умственных затрат. Короткий бой не получился, и он не сумеет взять врага на измор. Роман знал, что находится в прекрасной форме, но Гутар, ни в чем не уступал ему.

Испарина еще не проступила на их телах. Питцин по-прежнему отступал, угрожая мечом и пытаясь дотянуться до лука. Стрела уже была зажата в его зубах. Роман снова атаковал. Гутару удавалось парировать удары, но лук все так же висел за его плечом. И каждый раз, когда он протягивал к своему оружию руку, Роман делал яростный боковой выпад.

Он непрерывно атаковал. Узкий клинок плел финт за финтом, метался в вихре движений, прокладывая путь к сердцу питцина. Только один удар... Гутар лихорадочно отбивался, уже не пытаясь достать лук.

Тревожное предчувствие сжало сердце Романа. Что-то шло не так. Он уже тяжело дышал, а грудь его врага вздымалась в прежнем ритме, размеренном и спокойном. Темные глаза, прятавшиеся в щелочках век, смотрели на него с уверенностью охотника, загоняющего зверя.

Роман начал теснить противника к камню, на котором покоился священный меч. Гутар мгновенно понял, что, прижатый к валуну, лишится возможности маневрировать. Он сделал попытку отступить в сторону лестницы, но клинок Романа отрезал этот путь. Сверкающее серебристое лезвие мелькнуло как жало змеи и плечо Гутара окрасилось кровью. Но рана была неглубокой – острие только вспороло кожу. Гутар презрительно сплюнул. Он уже не пытался достать лук, Роман не давал ему для этого времени.

Шаг за шагом разведчик гнал питцина туда, где опыт, позиция и мастерство давали ему решающее преимущество. Он прижмет Гутара к валуну... Скоро.... Только один удар.... Но тревожный набат в висках не умолкал. Испарина выступила на теле. Кто знал, что этот дикарь так умело, владеет оружием....

Камень серой громадой высился за спиной Гутара. Он попытался уйти вправо, но клинок Романа чиркнул по его предплечью. Питцин скользнул влево, и тексиновое острие взрезало кожу на груди. Теперь Роман играл с ним – с жестокостью, о которой раньше даже не подозревал. Серия обманных движений, меч противника взлетел вверх, чтобы отбить выпад.... Затем – укол. В грудь, в живот, в пах.... Игра подходила к концу, и это придавало ему сил. Десятки раз он мог проткнуть питцина, но останавливался в последний момент. Пусть враг истечет кровью... Рев толпы ураганным ветром давил в спину.

Время пришло! Сейчас он прикончит этого дикаря. Его клинок нес смерть. Финт, еще финт, выпад.... Сейчас!

Но Гутар оказался быстрее. Он присел, и лезвие вместо сердца вошло в левое плечо, скользнув по кости. Огромная ладонь питцина сжалась; в следующий миг горсть песка полетела в лицо Романа. Веки опалило, словно огнем. Он отступил, приняв защитную стойку, пальцами левой руки протирая глаза; брошенный щит покатился по арене.

Ослепление почти прошло. Он видел, как Гутар снова шарит по песку, и отступил дальше, прикрывая глаза ладонью. Больше этот номер не пройдет. Сейчас восстановится зрение, он

поднимет щит и...

Гутар швырнул не песок. Мертвая голова пушечным ядром врезалась Роману в висок. Оглушенный, он шагнул назад, его ноги топтали давно забытую сеть, она обвивалась вокруг щиколоток, тянула вниз,... Роман рухнул на спину, ударившись запястьем о край щита. Выбитый из руки меч отлетел в сторону, он потянулся за оружием, но Гутар уже стоял над ним. Окровавленный, страшный, питцин сжал обеими руками рукоять своего тяжелого клинка и с гортанным криком опустил его на голову Романа.

Щит! Движение было стремительным, как мысль. Он успел подставить щит, но страшный удар почти перерубил пополам обтянутый кожей каркас. Второй пришелся на металлическую бляху; брызнул сноп искр, и щит распался надвое. Толпа взревела. Шакалы разинули пасти, истекая слюной, а волчьи клыки тянулись к горлу Романа.

Гутар придавил его грудь коленом, наклонился, занес меч.... Не отрывая взгляда, Роман следил, как короткое лезвие падало вниз, прямо в горло. Он отразил удар половиной щита и потянулся к луку, торчавшему над плечом питцина. Его пальцы сомкнулись на твердом дереве наверху, и Роман с силой рванул лук к себе. Звякнула тетива, врезавшись в толстую шею Гутара; невероятным усилием он попытался выпрямиться, чтобы нанести последний удар, но Роман держал крепко. Потеряв равновесие, питцин свалился прямо на распростертое тело врага.

Теперь они оба были покрыты кровью. Роман захватил руку питцина, перекатился на бок. Если прижать Гутара к земле, он сможет задушить его тетивой... Мгновенная картина, как стоп-кадр, мелькнула в памяти разведчика. Огромный зал, распятые в реверты, рыжий великан перед ним на коленях, и его руки, затягивающие вокруг чудовищной шеи жгут огненных волос...

Тетива лопнула. Окровавленное тело Гутара скользило под пальцами. Питцин перевернулся на спину и нанес мечом удар вверх. Роман, увернувшись, вскочил. Зрение вернулось к нему, но в затоптанном, залитом кровью песке он не мог разглядеть узкую полоску тексинового клинка.

Гутар тоже был на ногах. Роман швырнул в него разрубленный щит, и питцин, свирепо оскалившись, отбил удар локтем. Угрожая мечом, он начал загонять Романа к камню – туда, где несколько минут назад сам истекал кровью.

Роман отступал, шаркая ногами, не осмеливаясь отвести взгляд от широкого лезвия. Но под его голыми ступнями был только песок, холодный влажный песок. Он не может найти меч! Спина Роман уперлась в камень. Гутар оскалил зубы. Его покрытое кровью лицо было маской зверя.

Рука Романа скользнула к вершине каменного алтаря, пальцы легли на массивную рукоять огромного меча, мышцы напряглись, застыли буграми. Гутар яростно вскрикнул и, выставив свой клинок, рванулся вперед; глаза питцина горели торжеством. И тут большой меч пропел погребальную песню. Лезвие широким полукругом сверкнуло в воздухе, и Роман ощутил дрожь, прошедшую по клинку, когда он вошел в шею Гутара. Его голова взлетела вверх, на мгновение застыла и с глухим стуком упала на песок.

Роман смахнул со лба пот, потом, опершись на меч, обвел взглядом амфитеатр. Внезапно он понял, что в пещере царит мертвая тишина. Казалось, в окружавшей арену толпе жизни не больше, чем в теле Гутара, распростертом у его ног. Через секунду Роман вспомнил забытое в кровавом мареве боя. Он коснулся Священного меча! Он поднял его на человека, осквернил

убийством! Лучший боец племени пал жертвой этого клинка! А сейчас, очевидно, жертвой станет он сам. Стая шакалов разорвет его на части!

Повернув голову, он увидел, что Хончо стоит перед троном. Похоже, владыки питцинов совещаются с ньютером. Орг бросил в его сторону быстрый взгляд. Пусть... Он снова вытер пот, смешанный с кровью, и крепче сжал рукоять. Дыхание восстанавливалось; хотя он смертельно устал, шакалы не получают его голову без боя.

Король Орг, Тота и Хончо приближались к нему. В огромном подземном зале по-прежнему висела тишина: ни вздоха, ни шепота в сгустившемся в тревожном ожидании воздухе.

Три властителя были совсем рядом. Роман стиснул зубы, меч трепетал в его ладонях. Внезапно Хончо и девушка остановились; Орг сделал шаг вперед и упал на колени перед Романом. Его рука потянулась к окровавленному мечу, пальцы скользнули по лезвию, потом он провел на лбу широкую алую полосу.

Голос короля прозвучал над замершей толпой:

– Мазда! ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ! Великий Мазда! Ты почтил детей своих, питцинов! Ты поведешь нас в Тарн, ты возвратишь наше наследство! О Мазда, высочайший властелин! Мы приветствуем тебя! Мы признаем тебя! Мы повинемся тебе! И я, твой раб, покорно молю: окажи мне знак твоего благоволения!

Еле слышно Орг прошептал:

– Коснись мечом моего плеча. Сделай то же самое, когда подойдет Тота, и быстро уходи с ней! Меч возьмишь с собой.

Роман глубоко вздохнул. Жизнь бурлила в нем, и кровавый дурман битвы отступал все дальше и дальше, туда, где хранились воспоминания о десятках таких же схваток, о торжестве побед, о смерти врагов и друзей. Он поднял меч и дотронулся до плеча Орга.

Тота склонилась перед ним. Как и отец, девушка провела по лезвию ладонью и размазала кровь на лбу. Ее голос, громкий и мелодичный, наполнил подземный зал:

– О Мазда, наш повелитель! Прими мою любовь! И дай мне свою!

Роман прикоснулся клинком к обнаженному плечу девушки. Кровь Гутара еще не запеклась и маленькая струйка, словно красный извивающийся червь, скользнула по ключице Тоты и стекла в ложбинку меж твердых грудей.

Девушка поднялась и протянула руку.

– Пойдем, – тихо сказала она. – Не говори ничего.

Дочь короля вела разведчика по залитому кровью песку арены, мимо каменного алтаря, к трону. Ее пальцы твердо сжимали кисть Романа, он ощущал трепет ее тела и знал, что лихорадочное возбуждение сжигает Тоту. Они поднялись по ступеням к узкому проходу за спинкой каменного кресла. Стражи, бросив копья, упали на колени, пряча лица и глаза, не осмеливаясь посмотреть на Романа.

Узкий проход перед ними, освещенный редкими факелами, вел вглубь горы. У первого поворота Роман услышал, как Орг что-то прокричал; восторженный рев толпы ответил ему.

Снова крик и сокрушающий рев, снова и снова... Король вдохновлял перед набегом свою орду.

Тота привела его в небольшую камеру, высеченную в недрах утеса. Факел, закрепленный на стене, бросал скудный свет на низкое ложе из шкур и каменный стол с кувшином. Поверхность воды мерцала красноватыми отблесками, бока глиняного сосуда запотели. Роман рванулся к кувшину, но девушка яростно вцепилась в его руку.

– Я умираю от жажды, – голос Романа был хриплым, горло пересохло. – Мне надо обмыть рану. Ты сможешь перевязать ее?

Не выпуская руку разведчика, Тота упала на колени и приникла ртом к царапине на бедре.

– Я исцелю ее своими губами!

Роман оперся на меч и посмотрел вниз, на склоненную головку с башней темных волос. Возбуждение девушки передалось ему. Губы Тоты ласкали его кожу, вызывая мучительную дрожь желаний. Он погладил завитки локонов, струившихся на точеные плечи, и девушка слабо застонала. Бледное лицо поднялось к нему, алые губы приоткрылись – кровь обогрела их. Его кровь.

Когда Тота заговорила, ее голос дрожал, но слова были твердыми и властными.

– Мы одни, мой повелитель, и сейчас ты для меня – не Мазда, не бог. Запомни, правлю здесь я, и не питай ложных надежд. Я приказываю – ты подчиняешься.

Ее плечи приподнялись, ладони скользнули вверх, пальцы впились в плоть Романа как когти хищника, загнавшего желанную добычу.

– Ты убил Гутара... хорошо, я хотела этого.... Когда-нибудь наступит твой черед,... но не скоро, не скоро... Ты подчинишься мне,... ты отдашь мне силу своего тела... – ее шепот походил на заклинание, глаза горели колдовским блеском. – Ты отдашь... отдашь, мой повелитель. Не бойся, сюда не войдут. Никто не посмеет войти, в опочивальню Тоты...

Ее губы полыхали, язык обжигал, рот казался бездонной пропастью. Роман стиснул рукоять меча, драгоценные камни царапали, рвали кожу. Он закрыл глаза, его тело содрогнулось, уступая зову плоти.

Но разум разведчика оставался холодным и ясным. Он знал, что его завлекли в лабиринт, в дьявольскую паутину ходов, где предстояло блуждать долго, очень долго. И пока он не мог различить свет впереди, а конец путеводной нити прятался в тумане неизвестности.